

Автор - Марина Павлова, Москва (Россия).

ПАРТИТУРА С ПОДТЕКСТОМ

Колыбелочка

Всё по ГОСТу, всё в порядке: кровь, УЗИ, манту.
Спят устало самолеты в аэропорту,
мирно спят слоны, данайцы, геи, и коты.
ни цунами, ни люстраций, засыпай и ты.

Менделеев спит и видит изотопный хром,
и масоны в тайной ложе позабылись сном.
Спит платеженеспособный социальный срез.
Только мышь за батареей - пишет в ФэНэС

Не ложись у края, зайка, там подземный hot,
старый Wolf тебя, нимфетка, в Гарвард заберет.
Спят Porsche и Lamborghini, тачка, и комбайн.
Только птицы так суровы, - что поют Rammstein.

Дрыхнут Троя с Карфагеном, спят и Брут и МРОТ.
Деревянная лошадка дремлет у ворот.
Спят подкованные блохи в офисе Левши.

Только рыбы так болтливы, – хоть веслом глуши.

Ноты

Невидима, свободна и жива,
продрогшей стаей - лёгкой и прозрачной,
взлетает серпоккрыло синева
из окон пробудившихся чердачных.
Капельной насыщается водой.
И дольше света длится нота «До».

Наивный Март - святой евангелист,
голубоглазым отроком глазеет:
под воробьиной флейты пересвист
весна танцует - дерзкой Саломеей,
и сок струится змейкой по коре,
но вздрогнет звук на ломкой ноте «Ре».

Здесь солнечных оболочек медяки
на крыльях листьев – первых, робких, клейких.
А в переходах, для людской реки,
и жизнь, и смерть играют на жалейках.
И, наблюдая сверху за людьми,
застынет, в любопытстве, нота «Ми».

Успеть бы в путь, до первых облаков:
в поля, в луга, в себя, в леса, в пампасы.
Орать и петь до хрипа, чтоб легко
боль отпустить шмелём золотоглазым.
Вибрирует на нитке слово «жить», -
так нотой «Фа» воздушный змей дрожит.

Намедни дождь топтался у порога,
А нынче - солнце катит колесом, -
враз на поклон идти к грибному богу.
В лесной прохладе мыслей свежих сонм
прижмётся щеном к памяти – волчице,
и нота «Соль» сквозь землю просочится.

Век – ярмарочный петушок в горсти,
горчащий жженым сахаром заката.
Озвучить жизнь - не площадь перейти,
под свист толпы, плясуньей канатной.
Губами еле слышно шевеля
Шарманщик полирует ноту «Ля».

Бессонница считает вслух до ста,
И, словно фолиант - старинный, редкий,
ночь норовит по-своему сверстать.
У осени, на опустевшей ветке,
надкушенное яблоко висит -
протяжной, лунной, яркой нотой «Си».

Дзен

Пинетки,
изношенные туфли,
и потёртые ходунки.

Люди делят, на мертвую и живую,
воду одной реки, а я вспоминаю:

розовые пятки младенца,
белое махровое полотенце,
и звонкий хлопок чьей-то одной руки...

